

Евгений Звягин

БЕЗ НАЗВАНИЯ

/Из цикла "Блуждающие огни"/

Посвящается П.Беспрованной

Никакого Сергеева никогда в жизни не было. Это не он слизывал шершавым языком с верхней губы некую солнечную муть, не он пробегал по весеннему граду по направлению, через парк, ввиду и на шпиль все той же единственной своей Петропавловки, где дощатым забором отгороженное место было украшено правильной надписью, мол: "заколочено".

И, может быть, потому, что его не было, а вернее всего потому, что он понял, что его-то, собственно, никогда и не было, и не только не было, но и не будет вовеки, потому что он, собственно гвооря, извините, досужая выдумка, он вдруг заструтил, разнюнился, полез правой рукой в весенний, слегка прохладный карман своего пальто, и наскреб пол-ладони мелочи вперемешку с просыпанным табаком, разным мелким свалывшимся сором, и прочей чухью, оставляемой самим, как говорится, органическим процессом жизни, печальной и долгой, даже если небывшей.

Ну так вот. Навстречу ему шагали все люди значительные: вот хоть два серьезных таких шахматиста, колотившие друг друга шахматными досками по головам; от одной из них отстал лоскут фанерки и, кружась, опустился к ногам Сергеева. Седой волосок прилепился к этому лоскутку, посверкивал среди свежего гравия парковой дорожки, потому как дело-то было, собственно, в парке, в чем не признаться было бы нелепицей, даже более того — недостойным умолчанием со стороны автора.

"От одной из них" — значило — от доски отделился — хоть, признаться, и от лохматой головы любителя-шахматиста, пенсионера и забияки — говорил уже, — волосок, да какое все это имеет значение?

Никакого. В том-то, мастера, и трагичность жизни, что реальные детали ее, сколь настойчиво о них не талдычь, — слепая иллюзия, и даже вот факты средней величины — всего лишь сор на горжетке жизни — ну, словом, один резон, если не сказать хуже, — пропил ли ^СЧергеев свою мелочь на пиве, или отдал ее мимо шедшей нищенке, или сознательно раскатил по аллеям парка, во что как вам, так и мне трудно поверить; сей факт, будучи представлен как достоверная деталь, мог бы служить канвой уже не реального, но авангардного рассказа; но мы, в наш атомный век, сплошную все реалисты: любим мы подмечать янтарную струйку смолы на желтой доске, с красиво как нарисованной буквой "Н" — малой корпускулой вполне вещественного понятия — мол, — "ЗАКОЛОЧЕНО".

Дерущиеся шахматисты галдели. Удивляло Сергеева, как не просыплются у них шахматы из досок, как не украсят свежий долбленный гравий грудкой символов: царь, царевич, король, королевич, конь, ладья, офицер, или ^Фверзь — черт его знает, не в этом дело, милостивые мои государи, извините за старомодное выражение.

А дело все в том, вернемся к навязчивой вашей идее, что ^УСергеева вовсе не было. Не было его ни в абсолютном, ни в относительном смысле, ни фигурально выражаясь, ни буквально привирая — никак. И оттого, что он краешком мысли коснулся этого печального факта, он не пошел в роскошную крепость — ибо тюрьма, превращенная в музей, стала ему вдруг глубоко отвратительна.

И, сверившись с направлением легоньких облаков, субтильно-розовых с тонкого края, он свернул на Петровскую набережную. Здесь повеяло прохладным тонким ветерком — да, совсем я забыл про это упомянуть — ведь шел второй ледоход — с Ладоги уже лед согнало — и несмотря на разнообразные шумы и посвисты города, — тонкий звон, если прислушаться, — тонкий звоночек тающих льдин